

ОТ «РОДИНЫ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА»
К «ТЕХНИЧЕСКОМУ РОМАНУ», И ОБРАТНО:
МЕТАМОРФОЗЫ ТЕКСТА ПЛАТОНОВА
30-Х ГОДОВ

История создания, публикации и интерпретации «Технического романа» и одного из шедевров малой прозы Платонова — рассказа «Родина электричества» — представляет ряд взаимосвязанных метаморфоз. Это несколько самостоятельных драматичных и смешных сюжетов, которые породили самые невероятные предположения и гипотезы.

Впервые рассказ «Родина электричества» был опубликован в 1939 г. в журнале «Индустрия социализма» (№ 6. С. 6-10). Рассказ печатался с иллюстрациями главного художника журнала А. Житомирского. Никаких отсылок к дате написания рассказа при его публикации не делалось. Датировка впервые появилась в двухтомнике 1978 г.; в комментариях к рассказу «Родина электричества» указано: «Авторская датировка — 1926» (Платонов А. Избранные произведения в 2-х тт. Т. 2. М., 1978. С. 393). На сегодняшний день никакими источниками эта дата не подтверждена. Среди рассказов 1926 г., посвященных «строителям страны», наиболее близки «Родине электричества» — «Рассказ о потухшей лампочке Ильича» (деревня Верчовка явно рифмуется с Рогачевкой), «Песчаная учительница» и «Луговые мастера». В стилевом и сюжетном отношении «Родина электричества» представляет постчехенгурский этап. Экспозиция рассказа своей эпико-лирической интонацией («Шло жаркое сухое лето 1921 года, проходила моя юность») скорее соотносится с «Рекой Потуданью», чем с экспрессивно-орнаментальными «Луговыми мастерами», символической «Песчаной учительницей» и сказовым «Рассказом о потухшей лампочке Ильича». Если проанализировать такую микродеталь, как запись, которую делает герой рассказа «Родина электричества» в записной книжке («Я вынул записную книжку и написал там: “Пришли из города старушке пшена”»), и сравнить ее с формулами записных книжек в творчестве Платонова, то можно говорить, что данная деталь с явной меткой рассказов второй половины 30-х гг. Не будет натяжкой и тот факт, что после ареста сына в мае 1938 г. записи в книжках самого Платонова очень скудные: это списки телефонов и пометы о посылках сыну в Норильлаг.

В. Шенталинский, опубликовавший в 1990 г. фрагменты «Технического романа» Платонова, естественно не мог не откликнуться на очевидную связь первой части романа и рассказа «Родина электричества». Исходной стала принятая и не подвергнутая никакому сомнению датировка «Родины электричества» 1926 г.: «Зерно, из которого разрастается «Технический роман» — ранний рассказ «Родина электричества» (1926). Около трех страниц из пятидесяти почти совпадают — это вообще характерно для Платонова: вариантность темы, отпочкование сюжетных линий, клеточное деление образов, неопределенность исхода. <...> Написан рассказ от первого лица и насквозь автобиографичен: Платонов в это время усиленно занимался электротехникой, даже написал книжку «Электрификация». <...> Что же произошло с идеей рассказа спустя семь лет, когда он превращался в роман? Эта метаморфоза — вылет бабочки из кокона, выход художника из туманной, прекраснотушной мечты на трезвый трагический свет истины. Главный герой «Технического романа» Семен Душин, в рассказе еще выступавший как «Я», теперь становится другим человеком, в чем-то для автора неприемлемым, враждебным. Это — взгляд на себя — прежнего, фанатичного, даже безжалостного в стремлении к идеалу. Мечта поверяется жизнью и все больше

расходится с правдой. Авторское «Я» уже разделено между двумя героями — Душиным и Щегловым, и никто не владеет истиной, все ее только ищут» (Платонов А. Технический роман. Предисловие, составление, публикация В. Шенталинского. М., 1991. С. 3-4).

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы выстраивают несколько иную последовательность текстов-источников. Очевидным является тот факт, что рассказ писался Платоновым именно для журнала «Индустрия социализма». Журнал начал выходить с января 1939 г. в издании газеты «Индустрия социализма» (орган Народного комиссариата тяжелой промышленности). «Центральная задача» нового издания была сформулирована в специальном обращении «К читателям», которым открывался первый номер журнала: «...показать в художественных произведениях нового, советского человека, отобразить колоссальные сдвиги, происшедшие в нашей стране на базе создания в кратчайшие сроки изумительной, несокрушимой твердыни, какой является индустрия социализма. <...> «Индустрия социализма» ставит своей задачей показать в повестях, рассказах, стихах, очерках, роль тяжелой промышленности как основы индустриализации страны <...> показать значение тяжелой промышленности для социалистического сельского хозяйства, электрификации страны в целом, электрификации колхозных деревень» (Индустрия социализма. 1939. № 1). Не менее важной была и другая задача, уже ставившаяся М. Горьким при организации глобального проекта «Истории фабрик и заводов»: «Журнал «Индустрия социализма» ставит своей задачей приблизить к тяжелой промышленности работников литературы и искусства. Инженеры человеческих душ должны знать жизнь и работу инженеров и стахановцев индустрии...» (Там же). Основная площадь журнала была отдана советским писателям. На страницах «Индустрии социализма» печатались П. Бажов, А. Толстой, В. Шкловский, Я. Рыкачев, Л. Гумилевский, Вас. Лебедев-Кумач, А. Прокофьев, В. Кожевников и др. Естественно, что «Индустрия социализма» не могла не отметить приближающееся 20-летие принятия плана ГОЭЛРО.

Для Платонова, одного из немногих в среде советских писателей, тема индустриализации страны и электрификации деревни была давней и глубоко личной. К этому времени среди неопубликованных произведений в его архиве лежали две «технические» повести начала 30-х гг. — «Хлеб и чтение» (1930-1931) и «Ювенильное море» (1931-1932). Первая была написана в пору празднования 10-летия принятия плана ГОЭЛРО. Автобиографический характер имеют записи к «Техническому роману» в записной книжке начала 1931 г.:

«Электр<ификация> и механизация с. х.»;

«Некотор<ые> фамилии действ<ующих> лиц по их [желанию] просьбе и по соображ<ениям> автора изменены»;

«Начать с доклада об электрификации в Клубе журналистов»;

«VIII съезд Совет<ов>»

(Платонов А. Записные книжки. Материалы к биографии. М., 2000. С. 81).

Это записи к одному из кульминационных событий повести. Восьмой всероссийский съезд Советов (22-29 декабря 1920 г.) принял по докладу председателя комиссии ГОЭЛРО Г. Кржижановского 10-летний план электрификации России. 29 декабря газета «Воронежская коммуна» сообщала, что в клубе коммунистических журналистов (Комсожуре) с докладом об электрификации выступил Платонов: «Доклад вызвал к себе такой большой и жадный интерес, что прения по нему велись даже после того, как вечеринка из клуба газетно-журнальных работников «Красное перо» была перенесена в зал для заседаний съезда — в 1-й Дом Советов». Осенью 1920 г. Платонов не раз выступал на страницах газеты «Красная деревня» со статьями по вопросам электрификации с. х. («Что такое электрификация», 13 октября; «Электрификация нашего края», 5 декабря) и принимал участие в дискуссиях на эту тему. В начале 1921 г. в Воронеже публикуется его брошюра «Электрификация» (Иноземцева Э. Платонов в Воронеже // Подъем. 1971. № 2. С. 91-103). Обращение к этим материалам в конце 1930 — начале 1931 г. может быть обозначено как начало работы над первой частью «Технического романа» (повесть «Хлеб и чтение»). Образ одного из центральных

героев повести Семена Душина явно биографичен: «бывший паровозный машинист», студент «электросилового факультета гор. Ольшанска»; постоянный автор газеты «Красная губерния» (в газете «Красная деревня» Платонов наиболее интенсивно публиковался именно в 1920 г.); беспартийный Душин, автор книги, которая уже печатается, делает доклад об электроустройстве губернии в клубе города и т. д.

Жанровое обозначение первой части «Технического романа» — «Повесть» — имеется в машинописи семейного архива: оно вписано на первой странице (*Архив М. А. Платоновой. Хлеб и чтение. Повесть. Авторизованная машинопись*). Роман, как и повесть, предварялся эпиграфом — первой строкой стихотворения Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный...», ставшей одним из философско-эстетических кодов повествования 1931 г. о почти легендарных событиях десятилетней давности. «Одно виденье, непостижное уму» (Пушкин) владеет героями повести — это «виденье» новой России, преодолевающей через электрификацию все ее исторические, социальные и экзистенциальные бездны. Можно предположить, что «Ювенильное море» писалось с оглядкой на воспоминание юности, и в поисках Платонова начала 30-х гг. являлось своеобразной современной проекцией событий повести «Хлеб и чтение», а повесть «Инженеры», текст которой пока не обнаружен, замыкала своеобразную трилогию «технического романа» (прошлое — настоящее — будущее). Возможно, что именно работа над «Котлованом» своей внутренней логикой продиктовала незавершенность «Технического романа», а появившиеся в рамках его замысла повести вошли в своеобразное хранилище памяти «Котлована».

События в повести «Хлеб и чтение» развиваются динамично: от весны 1920 г. («В апреле 1920 года по освещенной утренней равнине Советской России тихо ехал испорченный, больной паровоз...», л. 1) до времени, когда «в губернии стоит зима» (л. 94 — в авторской пагинации). На последней странице машинописи Платонов вписывает «Конец» вместо записи в рукописи «Конец I части» (л. 190) и проставляет дату: «1931 г.» (л. 99 — в авторской пагинации). Машинопись сохранила не только правку автора (чернила), но и редакторские подчеркивания. Последнее свидетельствует, что повесть «Хлеб и чтение» читалась в московских редакциях. Подтверждением этого является история первой публикации фрагментов «Технического романа». В кратких пояснениях к публикации «выписка из рукописи неопубликованного романа» В. Шенталинский сформулировал ряд вопросов: «Кто делал выписки, где весь роман, был ли он дописан — остается неясным. <...> Готовые, отделанные части текста перемежаются вставками — очень краткими изложениями недостающих частей. Будто перед нами строение с неубранными лесами, но и масштаб, и архитектура, и качество налицо» (*Платонов А. Технический роман. С. 3*). Об архитекторе «строения с неубранными лесами» сегодня можно уже сказать вполне определенно. В папке «Неизданные произведения (изъятые при обыске)», из которой и взят Шенталинским «Технический роман», лишь машинопись трагедии «14 Красных избушек» является авторизованной. Две другие — «Технического романа» и «Ювенильного моря» — сделаны сотрудниками ОГПУ на основе авторизованных машинописей. Именно это «авторство» подтверждает фотокопия полного текста первой части «Технического романа», выявленная в Центральном архиве ФСБ и любезно предоставленная нам сотрудником архива Владимиром Александровичем Гончаровым (ЦА ФСБ. Фонд К-4, оп. 1, № хр. 61, лл. 1-99). Именно в этой копии чернилами отмечены 15 фрагментов. Это следующие листы машинописи: 6-12, 13-16, 19-20, 25-28, 33-34, 37-37, 44-45, 46-51, 46-51, 58-60, 63-67, 71-73, 74-76, 83-84, 86-99. Данные фрагменты были заново перепечатаны и связаны между собой краткой аннотацией пропущенных страниц. Это и есть «текст» первой части «Технического романа», который находится в папке «Неизданные произведения, изъятые при обыске» (ЦА ФСБ, Фонд К-4, оп. 1, № хр. 63, лл. 3-51). Этот монтаж сотрудников ОГПУ и был опубликован В. Шенталинским, а затем вошел в ряд сборников Платонова. В вышедшей в юбилейном году в Воронеже книге избранных Платонова «Технический роман» к тому же включен в раздел ранних произведений писателя, появилась новая датировка (1926-1928), а

аннотации пропущенных фрагментов выделены полужирным (!) шрифтом (см.: *Платонов А. Ямская слобода. Воронеж, 1999. С. 623-657*)... Данная версия текста романа была переведена и на ряд европейских языков... наших литературоведческих интерпретаций, посвященных специально и пристрастно отобранным сатирическим («клеветническим» — на языке времени) фрагментам романа, касаться не будем — etc., etc., etc. С большой долей вероятности можно говорить, что «автором», сыгравшим с нами в данную игру, был оперуполномоченный 4-го отделения секретно-политического отдела ОГПУ Николай Христофорович Шиваров, автор составленной о Платонове «Справки», которой и открывается папка «Неизданных произведений (изъятых при обыске)» (Там же. Лл. 2-3). Наиболее ценной в данной папке является авторизованная машинопись трагедии «14 Красных избушек» (обращение к ней неизбежно при подготовке научной публикации текста пьесы). Не лишен интереса и данный так же, как «Технический роман» — во фрагментах — текст повести «Ювенильное море». При публикации «Технического романа» В. Шенталинский привел лишь один фрагмент, не вошедший в опубликованный в конце 80-х гг. текст «Ювенильного моря». Их — значительно больше. Неясными остается и природа небольших разночтений, среди которых есть и экзотические. Например: «...а теперь он мчится в действительность *из пушки своего класса*, заряженный природным талантом и политехническим образованием» (л. 85); «Прибывший пешеход участвовал в пролетарском воодушевлении жизни и вместе с друзьями скапливал, посредством творчества и строительства, вещество той радости, которая стоит *на конце* нашей истории» (л. 92) <напечатано — «в высотах»>; «Через несколько суток секретарь сам построил упаковочные ящики <...> в то же время он просил *Босталоеву выйти за него замуж* через полгода...» (л. 128) <напечатано: «еще раз приехать»>; «Он хотел осуществить *«седьмое условие» Сталина*: ставку на творческого пролетарского человека...» (л. 161); «Здесь лежащая Федератовна обернулась к Умрищеву и *укусила* его за оппортунизм» (л. 161) <напечатано: «обругала»> и т. д. Сохранилась или была уничтожена машинопись «Ювенильного моря», с текста которой делались данные «Выписки из романа» (л. 84)? Сколько было редакций повести, или — романа?.. Как сам Платонов определял жанр «Ювенильного моря»? Загадок данной технической повести становится все больше...

Фотокопия «Технического романа» была, на наш взгляд, сделана с первого или, в крайнем случае, второго варианта машинописи: при всей черноте устаревшей съемки машинописи платоновский текст представлен достаточно отчетливо.

Фотокопия первой части «Технического романа» практически идентична авторизованной машинописи повести «Хлеб и чтение» семейного архива (это третий или скорее даже четвертый вариант машинописи; часть текста практически не прочитывается из-за качества машинописи и деформации отдельных листов). Фотокопия и данная машинопись отличаются лишь оформлением первой и последней страниц. 1 страница фотокопии — «Технический роман. I. Хлеб и чтение» (л. 1), последняя — «Конец первой части» (л. 99). 1 страница машинописи семейного архива — «Хлеб и чтение» (л. 1), последняя — «Конец» (л. 86). Общая авторская пагинация страниц (1-99), а также сходный набор позволяют говорить об одновременной подготовке двух версий «Технического романа» — как первой части романа, и — как самостоятельной повести. Архивная пагинация машинописи повести (лл. 1-86) определяется тем, что в машинописи семейного архива полностью отсутствуют 13 листов (лл. 25-28, 30-38) и 2 листа являются неполными (лл. 12, 13). Именно здесь начинается история текста рассказа «Родина электричества», ибо листы, отсутствующие в машинописи повести, находятся в рукописи рассказа (*Архив М. А. Платоновой*, лл. 1-30).

Рукопись «Родины электричества» представляет искусное монтажное строение рукописных (карандаш) и машинописных листов. Естественно, что вынутые из машинописи повести листы с первой правкой (чернила) дополняются новой (карандаш). В целом же авторская правка машинописных страниц шла в прямо противоположном, чем пишет В. Шенталинский, направлении: вместо Душина появляется лирическое «Я»; стихи, которые

декламирует председатель совета деревни Верчовка, превращаются в письменный текст и передаются другому герою повести — старшему электромеханику, романтику-анархисту Жаренову, одному из героев повести. Если в повести путь Степана Жаренова — эта одна из вариаций жмыховского понимания жизни, то в рассказе доверенное делопроизводителю Жаренову лирическое начало дается прежде всего как черта характера героя, а сама «лирическая линия» жестко опосредована восприятием верчовских баб и обрамлена авторитетным авторским словом о бедствиях и страданиях деревни Верчовка и самой семьи Жаренова.

Рукопись «Технического романа», к сожалению, почти не сохранилась; обнаружены лишь четыре ее листа (лл. 182, 186, 187, 190), все они деформированы. Авторская датировка повести в машинописи — 1931 г. (л. 86) отчасти подтверждают обороты сохранившихся листов рукописи романа. Среди оборотов — машинописные листы пьесы «Высокое напряжение». Конечно, рукопись «Технического романа» может значительно усложнить представленную нами краткую историю текста романа/повести начала 30-х гг. Более того, лишь рукопись может подтвердить или полностью опровергнуть появление 1926 г. при датировке «Родины электричества». К сожалению, листы автографа, связанные с сюжетом путешествия Душина в Верчовку, пока не обнаружены (фактура и структура рукописи позволит точно сказать, был ли этот сюжет написан в 1931 г., или для него использовались более ранние редакции неизвестного нам текста).

При сравнении текста рукописи «Родины электричества» с текстом, опубликованным на страницах «Индустрии социализма», обнаруживаются новые слои редактуры рассказа. Мы не располагаем белой машинописью «Родины электричества» (вряд ли Платонов представлял в журнал рукописную редакцию) и наборным экземпляром (необходима разработка материалов архива журнала). Характер отличий текста рукописи и журнала позволяет лишь предположить, что часть стилевой правки сделана самим автором, а часть — редактором. В первых посмертных публикациях текст «Родины электричества» был подвергнут значительной правке, и лишь в двухтомнике 1978 г. рассказ впервые печатался по «Индустрии социализма».

В научной публикации рассказа «Родина электричества» нам хотелось представить все основные слои рождения текста одного из шедевров малой эпической прозы Платонова. Для передачи структуры и динамики автографа рассказа использованы следующие условные обозначения.

1. Текст рассказа, не подвергшийся правке, набирается прямым простым шрифтом.

2. Зачеркнутый текст набирается светлым курсивом той же гарнитуры и заключается в квадратные скобки [ ]. Для обозначения прежде вычеркнутых фрагментов, оказавшихся в пределах данного участка текста, применяются курсивные скобки / /.

3. Вписанные сверху слова и фразы, дописанные или вписанные на полях предложения, набирается полужирным прямым той же гарнитуры. Таким же образом выделяются переправленные слова. Применение простого, полужирного шрифта, курсива в сочетании с квадратными скобками позволяет не просто имитировать рукопись, а зримо представить первоначальные варианты и окончательные. Прямой простой шрифт отмечает здесь невычеркнутую часть слова или участок фразы, используемые в различных слоях правки. Курсив — первоначальную форму слова.

4. Граница разделения рукописных и машинописных страниц обозначается следующим образом: машинописные листы заключены в рамку и сопровождаются необходимыми нашими пояснениями (они даются в угловых скобках петитом). В рамку включаются и те фразы, которые полностью соответствуют фрагменту машинописи, но переписаны автором лишь по формальному принципу.

5. Первый слой правки машинописных страниц, который относится к 1931 г. и сделан чернилами, дается в общей для всего рассказа системе условных обозначений, но отмечается звездочкой (*).

6. Авторское обозначение абзаца — **Z**.

РОДИНА ЭЛЕКТРИЧЕСТВА

Шло жаркое сухое лето 1921 года, проходила моя юность. [Я] **В зимнее время я** учился в Политехникуме на электро-техническом отделении, летом же работал на практике, в машинном зале городской электрической станции. От работы я сильно уставал, потому что **никакого силового резерва на станции не было, а единственный** турбогенератор шел без остановки уже второй год — день и ночь, и поэтому [на машину приходилось] за машиной приходилось ухаживать столь точно, нежно и внимательно, что на это тратилась [почти вся] моя текущая жизнь] **вся энергия моей** жизни. Вечером, минуя гуляющую по летним улицам молодежь, я возвращался домой уже дремлющим [на ходу] человеком. Мать мне давала [картошку вареную] вареную картошку [я же] я ужинал и одновременно снимал с себя **рабочий** пиджак и лапти, чтобы после ужина [на мне не трат] на мне оставалось мало одежды и сразу можно было бы лечь спать.

Среди лета, в июле месяце, когда я также, как обычно, вернувшись вечером с работы, [уснул] уснул, точно умерший и погребенный, меня разбудила мать.] уснул глубоко и **темно**, точно во мне **навсегда** потух весь внутренний свет, меня разбудила мать.

Председатель губисполкома Иван Миронович Чуняев [прислал сторожа] присылал сторожа и велел мне прийти] прислал ко мне со сторожем записку, в которой [писал] просил, чтобы я нынче же явился к нему на квартиру. Чуняев был раньше [слесарем, он] **кочегаром на паровозе, он** работал вместе с моим отцом и [поэтому] **по отцу** знал меня.

В полночь я сидел у Чуняева. [Его] Его мучила задача борьбы с разрухой, и он [тяжело], **боясь за весь народ, тяжело** переживал мутную жару того сухого лета, когда с неба не упало ни одной капли живой влаги, но зато во всей природе [пах] пахло тленом и прахом, будто уже была отверзта голодная могила для народа. Даже цветы в тот год пахли не более, чем металлические стружки, и глубокие трещины образовались [в] в полях, в теле земли, похожие [издали] на провалы меж ребрами худого скелета.

[— Но народ сам ищет средство для своего спасения и жизни и он найдет его, а мы ему поможем из всех сил партии и пролетариата! — говорил Чуняев.]

[— А ты] — **Ты скажи мне, ты** не знаешь, что такое электричество? — спросил меня Чуняев. — Радуга, что ли?

— Молния, — сказал я.

— Ах, молния! — произнес Чуняев. — Вон что! **Гроза и ливень...** Ну, пускай! А ведь и верно, что нам молния нужна, это правильно... Мы уж, братец ты мой, до такой [разрухи] разрухи дошли, что нам действительно нужна только одна молния, чтоб — враз и жарко! На вот, прочти, [что] что люди мне пишут.

Чуняев подал мне со стола отношение на бланке сельсовета. [От] Из сельсовета деревни Верчовки сообщали:

«Председателю губисполкома т. Чуняеву и всему президиуму. — Товарищи и граждане, не тратьте ваши звуки — среди такой всемирной бедной скуки. Стоит, как башня, наша власть науки, [и этот] [и] а прочий] **а прочий** вавилон из ящериц, засухи разрушен будет умною рукой. Не мы создали божий мир несчастный, но мы его устроим до конца. И будет жизнь могучей и прекрасной, и хватит всем куриного яйца! Не дремлет разум коммуниста, и рук ему никто не [отобьет] **отведет**. Напротив — он всю землю чисто в научное давление возьмет... Громадно наше сердце боевое, не плачьте вы, в желудках бедняки, минует это нечто

гробовое, мы будем есть пирожного куски. У нас машина уж гремит — свет электричества от ней горит, но надо [*нам*] нам помочь, чтоб еще [*луч*] лучше было у нас в деревне на Верчовке, а то машина ведь была у белых раньше, она чужою интервенткой [*нам*] родилась[.], **ей псих мешает пользу нам давать**. Но не горюет сердце роковое, моя слеза горит в мозгу и думает про дело [*мировое*] мировое свое великое гу-гу! — За председателя совета (он выбыл в краткий срок на контратаку против всех бандитов-паразитов и ранее победы не вернется ко двору) — делопроизводитель Степан Жаренов».

[*Поэтическая фантазия делопроизводителя Жаренова*]

Делопроизводитель Жаренов был очевидно поэт, а Чуняев и я были практиками, рабочими людьми. И мы сквозь поэзию, сквозь энтузиазм делопроизводителя увидели правду и действительность далекой, неизвестной нам деревни Верчовки. Мы увидели свет в унылой тьме нищего, бесплодного пространства, — [*на*] свет человека на [*горячей*] **задохнувшейся**, умершей земле, — мы увидели провода, повешенные на старые плетни, и наша надежда на будущий миркоммунизма, надежда, необходимая нам для ежедневного **трудного** существования, надежда, единственно делающая нас людьми. Эта наша надежда превратилась в [*твердое вещество*] электрическую силу, пусть пока что зажегшую свет лишь в дальних соломенных избушках.

— Ступай туда, — сказал мне Чуняев, — и помоги им, ты долго ел наш хлеб, когда учился. С **городской** электрической станцией мы сговоримся, тебя **оттуда** отпустят...

На другой день я с утра отправился в деревню Верчовку; мать сварила мне картошек, положила [*мне*] в сумку соли и немного хлеба, и я пошел на юг по проселкам и шел три дня, потому что карты у меня не было, а Верчовок оказалось три — Верхняя, Старая и Малобедная Верчовка. Но делопроизводитель[,] товарищ Жаренов думал, конечно, что их **знаменитая** Верчовка только одна **на свете** и она известна всему миру, как [*Москва*][*знаменитая*] Москва, **поэтому Жаренов и не прибавлял к своей деревне добавочного названия**, а жареновская Верчовка, оказалась именно Малобедной, чтоб можно было отличить ее от прочих Верчовок.

Обойдя обе Верчовки, где не было электрических станций, к Малобедной Верчовке я подошел за полдень **третьего дня пути**. На [*виду*] виду деревни [*я ув*] я остановился, потому что заметил **большую** пыль в стороне от дороги и рассмотрел там толпу народа, шествующую по сухой лысой земле. Я подождал, пока народ выйдет [*на борозду*,] **ближе ко мне**, и тогда увидел

<Вставка — фрагмент машинописной страницы, л. 24>

попа с помощниками, трех женщин с иконами и человек [*сорок*] **двадцать** богомольцев. Здешняя местность имела покатошь в древнюю высохшую балку, куда ветер и весенние воды отложили тонкий прах, собранный с обширных нагорных полей.

Шествие спустилось с верхних земель и теперь шло по праху в долине, направляясь к битой дороге.

Впереди шел обросший седой шерстью, измученный и почерневший поп; он пел что-то в жаркой тишине природы и махал кадиллом на дикие, молчаливые растения, встречавшиеся на пути. Иногда он останавливался и поднимал голову к небу в своем обращении в глухое [*сияющее небо*] сияние **солнца***, и тогда было видно озлобление и отчаяние на его лице, по которому текли капли слез или пота. Сопровождавший его народ крестился в пространство, становился на колени в пыльный прах и кланялся в бедную землю, напуганный бесконечностью мира и слабостью ручных иконных богов, которых несли старые, заплаканные женщины на своих отражавших животах. Двое детей — мальчик и девочка, — в одних рубашках и [*босиком*] **босые**, шли позади церковной толпы и с интересом изучения глядели на действи[*я*] **e*** взрослых; дети не плакали и не крестились, они боялись и молчали.

Около дороги находилась большая яма, откуда когда-то добывалась глина. Шествие народа остановилось около той ямы, иконы были поставлены ликами святых к солнцу, а люди

<Вставка — машинописные страницы, лл. 25-28>

спустились в яму и прилегли на отдых в тень под глинистый обрыв. Поп снял ризу и оказался в штанах, отчего двое детей сейчас же засмеялись.

[*Душин и Лида все время стояли на краю дороги и только, когда народ опустился в яму на отдых, они подошли к людям.*]

Большая икона, подпертая сзади комом глины, изображала деву Марию, одинокую молодую женщину, без бога на руках. [*Душин*] **Я** всмотрелся в эту картину[,] и **задумался над нею**, [*а Лида пошла к остальным женщинам и вскоре занялась там делом — искала у старухи в голове, а потом старуха у нее.*] **а богомольные женщины расселись в тени и уже** занялись там **своим** делом — **они** искали **одна у другой в голове**.

Бледное, слабое небо окружало голову Марии на иконе; одна видимая рука ее была жилиста и громадна [*и, как будто,*] и не отвечала смуглой красоте ее лица, тонкому носу и большим нерабочим глазам — потому что такие глаза слишком быстро устают. Выражение этих глаз заинтересовало [*Душина*] **меня** — они смотрели без смысла, без веры, сила скорби была налита в них так густо, что весь взор потемнел до непроницаемости, до омертвения и беспощадности; никакой нежности, глубокой надежды или чувства утраты нельзя было разглядеть в глазах нарисованной [*Богоматери*] **богоматери***, хотя обычный **ее** сын не сидел **сейчас** у нее на руках; рот ее имел складки и морщины, что указывало на знакомство Марии со [*страстью размножения*] **страстями, заботой** и [*со*] **злостью** обыкновенной жизни, — это была неверующая рабочая женщина, которая жила за свой счет, а не милостью бога. И народ, глядя на эту картину, может быть также [*наслаждался*] **понимал** втайне [*подтверждением*] **верность** своего практического предчувствия о глупости мира и необходимости своего действия.

Около иконы сидела усохшая старуха, ростом с ребенка, и невнимательно смотрела на [*Душина*] **меня** [*карими*] **темными** глазами; лицо и руки ее были покрыты морщинами, точно застывшими судорогами страдания, во взгляде был зоркий ум, прошедший такие испытания жизни, что старушка, наверно, знала **про себя** не меньше целой экономической науки и могла бы быть почетным академиком.

[*Душин*] **Я** спросил у нее:

— Бабушка, зачем вы ходите[,]* молитесь? Бога же нет совсем, и дождя не будет.

Старушка согласилась:

— Да и наверно, что нету, — правда твоя!

— А на что вы тогда креститесь? — спросил [*Душин*] **я ее** далее.

— Да и крестимся зря! Я уж обо всем молилась — о муже, о детях, и никого не осталось — все померли. Я и живу-то, милый, по привычке, разве по воле, что ли! Сердце-то ведь само дышит, меня не спрашивает, и рука сама крестится: бог — беда наша... Ишь убытки какие — и пахали, и сеяли, а рожон один вырос...

[*Душин недоумевал в огорчении.*] **Я помолчал в огорчении.**

— Не молитесь, бабушка, лучше никому. Природа не слышит ни слов, ни молитвы, она боится только разума и работы.

— Разума! — произнесла старуха с ясным сознанием. — Да я столько годов прожила, что у меня разум да кости — только всего и есть! А плоть давно вся в работу да в заботу спущена — во мне и умереть-то мало чему осталось, все уж померло помаленьку. Ты погляди на меня, какая я есть!

[*Старуха встала перед Душиным и приподняла юбку, забыв про стыд, про любовь и всякое другое неизбежное чувство. Верно было, что на старухе немного осталось живого вещества, пригодного для смерти, для гниения в земле. Кости ее прекратили свой рост еще в детстве, когда горе труда и голода начало разрушать девочку; кости засохли, заострились и замерли навеки. Нажитое в молоке матери тело тоже впоследствии истоцилось в ручном труде, способном прокормить не*

только старуху, но еще двадцать человек, если б только законы природы и людей не расхищали плодов ее согбенного усердия. Но это расхищение коснулось даже самой плоти старой крестьянки, и она была раскрадена [,] **и*** уничтожена почти без остатка, — только в умозрении можно догадаться, как случилось такое событие, — но тех, кто именно съел живой вес старушки, можно было собрать практически и убить. И вот теперь Душин видел ничтожное существо, с костями ног, прорезающимися как ножи сквозь коричневую изрубцованную кожу. Душин нагнулся в сомнениях и попробовал эту кожу — она была уже мертва и тверда как ноготь, а когда Душин, не чувствуя стыда от горя, еще далее оголил старуху, то нигде не увидел волоса на ней, и между лезвиями ее костяных ног лежали, опустившиеся наружу, темные высушенные остатки родины ее детей; от старухи не отходило ни запаха, ни теплоты [.] *** Душин обследовал ее как минерал, и сердце его сразу устало, а разум пришел в ожесточение.** [Z] Старуха покорно сняла платок с головы, и [Душин] **я** увидел ее облысевший череп, растрескавшийся на составные части костей, готовые развалиться и предать безвозвратному праху **земли** скупое скопленный терпеливый ум, познавший мир в труде и бедствиях.

— Придет зима, я и соседу пойду поклонюсь, — сказала старуха, — и у богача в сенцах поплачу: все может пшеница подживусь до лета, а летом уж погибелью своей буду оплачивать — за мешок полтора мешка, да отработки четыре дня, да почету ему на пять мешков... Разве мы богу одному только кланяемся — мы и ветра боимся, и гололедицы, и ливня, и суши, [*и на всех кланяемся*] и соседа, и прохожего человека[.], — **и на всех крестимся!*** Разве мы молимся оттого, что любим! Нам и любить-то нечем уж!

[Она задрала кофту и показала грудь — на ней висели два темных умерших червя, втѣвших внутрь грудного вместилища, — остатки молочных сосудов, — а кожа провалилась между ребер, но сердце было незаметно, как оно билось, и вся грудь была так мала, что только немного и сухое могло там находиться, — чувствовать что-либо старухе было уже нечем, оставалось лишь мучиться и сознавать мысленно.

Такая грудь ничего уже не могла делать — ни любить, ни ненавидеть, но на ней самой можно было склониться и заплакать.]

[Душин] **Я** отошел прочь[.] **от старухи**, наполненный [*думой и*] скорбью[.] **и размышлением**. Толпа народа начала собираться с отдыха, и весь крестный ход, молившийся о дожде, направился назад на деревню. Осталась **лишь** одна старуха, говорившая [*с Душиным, и еще Лида Вежличева, бегущая из отцовского дома.*] **со мною**.

Старуха желала еще немного передохнуть и все равно бы она теперь не поспела идти за людьми на своих детских мелких ногах, когда народ пошел **спешно** по-деловому и **сам** по **уже** шагал в штанах.

Увидев ее состояние, [Душин] **я** поднял старуху **к себе** на руки и понес ее к деревне, как восьмилетнюю девочку, сознавая [*громадную производственную ценность*] **всю вечную ценность этой** ветхой труженицы. [*А Лида, побыв одна в тоске, пошла обратно за Душиным, опуская растущие теплые ноги в горячую пыль дорожной коллеи.*

5

Не доходя до деревенской околицы, Душин временно опустил старушку на землю, и велел Лиде одной идти в Ольшанск, — к заходу солнца она уже успеет дойти до места.]

В деревне у одной попутной избушки старушка сошла с моих рук. Я попрощался с нею, поцеловав ее **в лицо** и решил посвятить ей свою жизнь, потому что в молодости всегда кажется, что жизни очень много и ее хватит на всех [*старух*] старух.

Верховка оказалась небольшой деревней, — дворов не более [*двадцати*] **тридцати**, но исправных изб в ней было мало; жилища обветшали и уже загнивали нижними венцами

срубов в земле. [Империализм] **Военный империализм**, прошедший по всему миру, сделал все видимое, все добытое, устроенное и сбереженное поколениями тружеников похожим на погост.

Мальчик, чей-нибудь внук или племянник, а может быть сирота, **с охотой** провел меня на электрическую станцию, работавшую в полверсте [от села] **деревни** — около общественного водопоя на проезжем тракте.

<Вставка — фрагмент машинописной страницы, л. 12>

Английский двухцилиндровый мотоцикл **фирмы** «Индиан» был врыт в землю на полколеса и с ревушей силой вращал ремнем небольшую динамо-машину, которая стояла на двух коротких бревнах и сотрясалась от поспешности[.] **работы**. В прицепной коляске сидел пожилой человек и курил [*махорочную*] сигарку; тут же находился высокий столб и на нем горела электрическая лампа, освещающая день, а кругом стояли подводы с распряженными лошадьми, евшими корм, и на телегах сидели крестьяне, [*наслаждаясь наблюдением*] **с удовольствием наблюдавшие за действием** быстроходной машины; некоторые из них, худые по виду, выражали открытую радость [*тем, что*]; **они** подходили к механизму и гладили его, как милое существо, улыбаясь при том с такой гордостью, точно они принимали участие [*в гении изобретательства.*] **в этом предприятии, хотя сами были нездешние.**

Механик электростанции, сидевший в мотоциклетной коляске, не обращал внимания на окружающую его действительность [(]: он **вдумчиво и** проникновенно воображал стихию огня, бушующую в цилиндрах машины, и слушал **со страстным взором**, как музыкант, мелодию газового вихря, вырывающегося в атмосферу.

Я **громко** спросил у механика, зачем он работает сейчас впустую, **ради одной лампочки на столбе**, и зря тратит топливо и машину.

— Не зря, — равнодушно сказал механик; он вышел из прицепа и попробовал ладонью подшипник у динамо-машины — около большого самодельного деревянного шкива, которым она вращалась. — Не зря, — сообщил механик. — Мы работаем вечером, а сейчас мы **только** пытаем машину и крутим ее впрок, чтоб все части у нее пригартовались и привыкли друг к другу. **И перед проезжим народом нам надо похвастаться — это, стало быть, будет агитация. Пусть люди любят!**

[*Это*] **В словах механика об опытной работе установки** было дельное соображение, потому что мотоциклетный мотор был старой машиной, пережившей дороги войны, и [*некоторые части наверно*] **части** заводские части наверно в нем [*давно*] заменяли деталями, [*части*] сделанными в **местной** кузнице от руки, и нужно было эти части испытать и дать им приработаться.

<Фрагмент машинописной страницы, л. 13>

[*Душин*] Я молча изучил устройство электростанции, не обращая **более** к задумчивому механику. Под сиденьем мотоцикла [*он*] я прочел № машины: E-0-401, [*и удивился, что это был номер его паровоза,*] а под тем номером имелась еще мелкая английская надпись, означавшая в переводе воинскую часть: «77 британский королевский колониальный дивизион».

Провода от электростанции на деревню шли под землей, в глухом кабеле, и вечером **должно быть** торжественно сияли окна **деревенских** избушек, охраняя от тьмы революцию.

Механик подошел ко мне и протянул кисет с табаком.

— Покури, лучше будет, — сказал он мне. — [*По*] Что смотришь? Наверно на молотилке работал, и думаешь, что в моторах понимаешь?

— На молотилке [*я не работал, —*] **мне работать не приходилось**, — ответил я и сам спросил деревенского машиниста. — Чем топите машину?

— Хлебным спиртом, чем же, — вздохнув, сказал механик. — Гоним самогон особой крепости, тем и светим.

— А смазка? — [*спросил я.*] **интересовался я далее.**

— Чем придется, — ответил человек. — Что сыщешь, профильтруешь через тряпку, тем и смазываешь.

— Хлеб-то жалко **ведь** жечь в машине, — сказал я, — не стоило бы!

— Хлеба жалко, — согласился механик. — А что сделаешь: другого газу нету.

[— *А чей хлеб это вы на газ переводите?*]

— А чей хлеб это вы на газ переводите?

— Народа, чей же, общества, — пояснил машинист. — Собрали фонд по самообложению, а теперь берем из фонда и еще кой-откуда...

Я удивился, что крестьяне столь охотно [*травя,*] стравляют хлеб [*/ради/ в машину*] прошлогоднего урожая в машину, когда в нынешнее лето [*от засухи*] хлеб от засухи совсем не уродится.

— Это ты народа нашего не знаешь, — медленно говорил механик, все время вслушиваясь в работу машины, от которой мы стояли теперь в удалении, у коновязи. — Раз есть нечего, то и читать, что ль, народу не надо!.. У нас в Верчовке богатая библиотека [*оста*] от помещика осталась, крестьяне теперь читают книги по вечерам, — кто вслух, кто про себя, кто чтению учится... А мы им свет даем в избы, вот у нас и получается свет и чтение. Пока другой радости у народа нету, пусть будет у него свет и чтение.

— Если б машину топить не хлебом, то было бы еще лучше, — советовал я. — Тогда у вас получились бы хлеб, свет и чтение.

Механик поглядел на меня и скрыто, **но** вежливо улыбнулся.

[— *Не*] — Ты не жалея этого хлеба: он все равно мертвый, не едоцкий... Тут кулак у нас жил, Чуев Ванька, — он с белыми всем семейством ушел, а хлеб зарыл в дальнем поле. Так мы его хлеб с товарищем Жареновым целый год искали, а когда нашли, так зерно уже задохнулось и умерло: на [*/семена/ муку*] **еду** оно тухлое, на семена вовсе не гоже, а на спирт, на вредную химию эту оно пойдет. А ведь там, сколько ж было, да пудов без малого четыреста! А фонд по самообложению и взаимопомощи мы еще и не трогали: как был, так и есть [*пудов*] двадцать пудов. Наш председатель оттуда крошки тебе не подарит, пока и вправду с голода не опухнешь. Да ведь иначе и нельзя, а то...

И здесь механик прервал свою речь и бросился к электрической станции, [*потому*] потому что ремень соскочил [*с*] **со шкива** динамо-машины.

Я же обратился к деревне Верчовке и [*пошел*] **направился** туда. На околице деревни сильно и безостановочно дымила печная труба, и я [*вошел в эту*] **пошел** в ту избу, которая [*топилась*] столь жарко топилась в летний день. Изба, судя по двору и воротам, была выморочная или бесхозная. Ворота заросли, на дворе [*/разросся/ произрастал жесткий*] поселился жесткий [*бурьян, терпящий*] зачумленный бурьян, терпящий одинаково и жару и ветры и ливневые потоки, и выживающий всегда.

Внутри избы я увидел печь, и в нее был вделан самогонный аппарат. Печь топилась корневищами, а у [*исхо*] исходной трубки аппарата сидел на табуретке [—] [освещенный огнем,] **веселый** блаженный старик, **освещенный пламенем**, с кружкой в правой руке и с куском посоленной картошки в левой: старик, должно быть, ожидал очередного выхода безумной жидкости, чтобы попробовать ее — годится ли она для [*машины*] **горения в машине** или [*не*] слаба еще. **Собственный желудок и кишки старика-дегустатора были прибором для испытания горн...**

Я вышел во двор избы, чтобы увидеть электрическую линию, потому что на улице ее не было. Линия шла через дворы; [*изол*] крюки изоляторов были укреплены [*/в надворн/ /в/*]

к стенам] в стенах надворных построек, [/к черда] к редким ветлам] в редких ветлах или просто [к большим, нарощенным] были завинчены в большие, нарощенные один на другой [кольям] колья плетней, и оттуда уже [ответвлялась] шли местные ответвления [линии] проводов в жилые [помещения] горницы[.] и дворовые службы. [Наверно] В этой местности, лишенной леса, нельзя было найти столбов для [прокладки] устройства обычной уличной сети. И с хозяйственной, а также с технической точки зрения подобное решение вопроса [об] электропередачи было единственно возможное и правильное.

Однако, опасаясь пожара от неправильной проводки воздушной линии, я пошел по дворам, перелезая через плетни и слеги, огораживающие соседские владения, и всюду осмотрел снаружи подвеску и крепление магистральных [про] проводов. Натяжка линии была хорошая и провода нигде не проходили близко от соломы или прочих[,] ветхих и горючих веществ, способных [вспыхнуть] затлеть [от] от нагревания их токонесущей [медн] медью.

Успокоившись насчет пожара, я [наш] нашел [прохлада] прохладное укромное место в тени одного овина [или] и уснул там для отдыха.

Но, еще не отдохнув как следует, я вынужден был проснуться, потому что меня кто-то толкал ногою и будил.

<Вставка — машинописные листы, лл. 30-34>

[Душин вышел наружу, лег в тень и нечаянно заснул, утомленный быстротою своей жизни.

К вечеру приехал председатель совета и делопроизводитель указал ему на спящего. Председатель потолкал Душина ногою и велел ему сразу встать на ноги.]

— Не время сна, не время спать, пора весь мир уж постигать и мертвых с гроба поднимать! — произнес [председатель над спящим.] неизвестный человек надо мною.

[Душин] Я в ужасе опомнился; поздняя жара солнца, как бред, стояла в природе. [Над ним] Ко мне наклонился человек с добрым лицом, морщинистым от воодушевленного оживления, и приветствовал [его] меня рифмованным слогом, как брата в светлой жизни. По этому признаку я догадался, что [не] предо мною был делопроизводитель местного сельсовета, писавший отношение в Губисполком.

— Вставай, бушуй среди стихии, уж разверзается она, большевики кричат лихие и сокрушают ад до дна!

Но у [Душина] меня тогда была в уме не поэзия, а рачительность. Поднявшись, [он] я сказал [председателю] делопроизводителю про [насос] мотоциклетную электростанцию[.] и про то, что необходимо достать где-либо насос.

— Мне ветер мысли все разнес, — ответил [председатель] делопроизводитель, — и думать здесь я не могу про... А дальше как? — спросил он вдруг [председатель у делопроизводителя.] у меня.

— [Насос!] Про твой насос!* — добавил [делопроизводитель.] я ему на помощь.

— Про твой насос!.. Пойдем ко мне в мою усадьбу, — продолжал [председатель] делопроизводитель во вдохновении сердца, — ты мне расскажешь не спеша: могилы ждешь ты или свадьбы, и чем болит твоя душа.

В сельсовете [Душин] я с точностью изложил [главе] делопроизводителю деревни свой план, который касался орошения сухой земли водою, чтобы прекратить крестные походы населения за дождем.

— Провижу я чело твое младое! — воскликнул [председатель] делопроизводитель. — В ответ гремит тебе отсюда, — он показал на грудь, — сердце боевое!

[Душин] Я спросил его:

<31/21> — У вас есть общественная огородная земля, чтоб там не было многих хозяев?

[Председатель] Делопроизводитель без размышления сразу дал справку:

— Земля такая есть. Она была коровья. Теперь же стала вдовья и отведена семействам — как их такое?.. — сбился [председатель. Z] вдруг он. — Семействам больраненых

красноармейцев! — сказал добавочно делопроизводитель. — В ней сорок десятин. — Там пашет, жнет и сеет орган власти — сельсовет![..] Там было раньше староселье, теперь же пустошь, зато осталось удобренье и злак растет, как дым зимой из труб. Ну а теперь, конечно, все засохло — нам без воды и солнце ни к чему!

[*Душин*] **Я** сообразил, что может быть мотоциклетной силы не хватит для поливания водою сорока десятин, но все же решил полить хоть часть этой наиболее бедняцкой земли — вдовьей и красноармейской.

[*Председатель,*] **Делопроизводитель,** [*узнав про мероприятие Душина,*] **услышав такое мое предложение,** не мог больше выразиться и тут же заплакал.

— Это я от стечения обстоятельств, — сказал он немного погодя, не употребляя стихов.

В течение двух последующих дней [*Душин, председатель*] делопроизводитель [*и*], механик мотоциклетной электростанции **и я** трудились над установкой мотоцикла на новом месте — на берегу маловодной речки[,]* Язвенной, которая слабо текла куда-то в обмороке жары. Здесь, начинаясь с берега, была вдовья и красноармейская земля, обрабатываемая сельсоветом на общественных лошадях. Несмотря на плодородие низинных угодий, сейчас там росли только редкие посадки картофеля, а за ними — мелкие просяные колосья; но все растения были в изнеможении, они покрылись смертельной пылью знойных вихрей и клонились вниз, чтобы вернуться обратно в темноту праха и сжаться в **свое*** первоначальное семя[.], **уже мертвое теперь.**

В этих же посевах с [терпением] терпением росли купыри, репей, бледные цветы «златоуста», похожие на лицо человека с выраженьем сумасшествия, и прочие плевелы, которыми всегда зарастает земля во время действия **сухих** стихий.

[*Душин всюду пробовал*] **Я попробовал** почву; она была как зола, сгоревшая на солнце, и первый же ураган способен был поднять всю пыль плодородия и развеять ее бесследно в пространстве.

После установки мотоцикла [*председатель и Душин*] **мы с делопроизводителем** задумались о насосе. [*Они*] **Мы** поискали его по сараям зажиточных мужиков, грабивших помещиков с наибольшим хладнокровием и жадностью, и нашли там много добра, даже картины Пикассо и женские мраморные биде, а никакого насоса не было.

— Потеха жить и наслаждаться, — сказал [*председатель*] **мне делопроизводитель,** — насоса нет, но есть любовь, и чашка, чтобы обмываться.

Он имел в виду женское биде для обмывания тела.

[*В конце концов Душин*] **Подумав,** я снял толстую железную бляху с мотоцикла, обозначавшую английскую интервенционную воинскую часть, и вырезал из нее в кузнице две лопасти. Затем по приказу [*председателя*] **делопроизводителя** была раскрыта железная крыша с дома сельсовета, и то железо пошло на изделие остальных пяти лопастей, а также кожуха для насоса, [*и труб*] **трубы** для всасывания и [*нагнетания воды.*] **лотков для подачи воды на поле.**

Еще трое суток [*Душин*] **мы с механиком электростанции** поработали у мотоцикла, пока не посадили семь лопастей на спицы заднего колеса машины и не обрядили колесо в кожух. Таким образом [*он*] **мы** соорудили центробежный насос из колеса мотоцикла, [*он*] **мы** организовали водокачку вместо электрической станции; однако [*он*] **насос** ничему не помешал: когда вода не потребуется земле, можно опять вертеть динамо и давать свет в избушки.

Через пять дней мучительного труда[,]* **без нужных инструментов и материалов,** среди полевого неустройства, [*Душин*] **я** и механик пустили мотор мотоцикла, и вода пошла на землю вдов и красноармейцев, но поток ее был слишком слаб — ведер сто в час, и [*нужно было*] **необходимо было** еще развезти воду по всем посевам, что требовало усердия населения. [*Но председатель не огорчился и сказал:*] **Кроме того, некоторое количество**

воды терялось из неплотных соединений наших самодельных лотков, что дополнительно нас огорчало. Однако делопроизводитель не огорчился на это и сказал:

— Пускай наука только каплю даст, мы выжмем море туловищем масс!

На другой день [*председатель*,] делопроизводитель и двадцать женщин с [*худыми*] **четырьмя пожилыми** мужчинами-бедняками повели воду под лопату вглубь полей, но ручей воды иссох уже [*вблизи*] **невдалеке от** водокачки. Из расщелин земли, пугаясь влаги, полезли ящерицы, пауки, сухие членистые черви неизвестной породы и твердые мелкие насекомые, точно сделанные из меди, — они, следовательно, и должны наследовать землю, если тучи не соберутся в атмосфере[.], **а люди вымрут.**

Вдовы и замужние беднячки окружили [*Душина*] нас и начали ругать [*его*] за недостаток воды[.]* и за бедную силу машины. [*Душин*] **Мы** выслушал<и> их **со стыдом, но без боязни**, а [*председатель*] делопроизводитель произнес **им в утешение** заключительное слово. Он глядел в туманное, томительное небо одичалого лета и говорил **с просветленным лицом** среди тишины [*природной безнадежности:*] **ослепительной страшной природы:**

[— *О, граждане, не тратьте ваши звуки — среди такой всемирной бедной скуки... Стоит как башня наша власть науки и этот вавилон из ящериц, засухи разрушен будет умною рукой. Не мы создали божий мир несчастный, но мы его устроим до конца. И будет жизнь могучей и прекрасной и хватит всем куриного яйца! Не дремлет разум коммуниста и рук ему никто не отобьет. Напротив — он всю землю чисто в научное давление возьмет... Громадно наше сердце боевое, не плачьте вы, в желудках бедняки, минует это нечто гробовое, мы будем есть пирожного куски. Я тоже ел три дня назад; жена моя лежит в гробу, детишки ходят к ней под крест, чтоб поглядеть где ад, где мать родная им кричит свою мольбу! Но не горюет сердце роковое, моя слеза горит в мозгу и думает про дело мировое свое великое гу-гу!..]*

— Все сохнет, лопается прочь — и почва, и трава!.. А жить охота во всю мочь, поскольку есть у человека голова. Она прибавлена вдобавок нам не зря... Нет, потому мы не железо, не скотина, не [*дресва*] дресва, что надо нам всю жизнь стерпеть — и без победы ничем не умереть!..

<Вставка — машинописные страницы, лл. 34-38>

[*Председатель*] [*Делопроизводитель Степан Жаренов*] **Делопроизводитель Степан Жаренов** устал от жары и [*семейного*] страдания [*по умершей жене*,]; **но лицо его стало теперь иным — ясным и задумчивым**, хотя [*лицо его*] и не потеряло доброты своих складок. И он сказал прозой бабам-вдовам, смотревшим на него с [*ужасом, как на представление, и с улыбкой любви, как на свою власть.*] **удивлением и улыбкой сочувствия.**

— Ступайте, женщины, копать канаву дальше. Машина эта — интервентка, она была за белых, теперь ей неохота лить воду в пролетарский огород..

[*Душин*] **Механик** с жадностью страстного размышления наблюдал напряженную работу мотора; машина шла на сбавленных оборотах и тяжело упыхивалась от перегрузки. [*Душин опробовал*] **Я ощупал** все тело машины — оно сильно грелось и мучилось, крепкий самогон взрывался в цилиндрах с жесткой яростью, но [*легкое подсолнечное*] **плохое смазочное** масло не держалось в трущихся частях[.] **и не обволакивало их облегчающей нежной пленкой.** Мотор трепетал в раме и неясный тонкий голос изнутри его механизма звучал как предупреждение о смертельной опасности.

[*Душин*] **Я** понял машину и прекратил ее злобный сухой ход. [*Он*] **Затем мы** сняли кожух с колеса, служившего центробежным насосом, [*затем*] убавили число лопастей на колесе с семи до четырех, и опять надели кожух. [*Душин*] **Я** хотел разгрузить мотор, чтобы он дал лучшую скорость, и тогда четыре лопасти будут работать сильнее семи.

В это время настал вечер; все люди ушли на отдых, только [Душин и председатель] [делопроизводитель сельсовета и я] товарищ Жаренов и я остались сидеть на берегу слабеющей, сочащейся реки. [Душин] Я не спешил [пустить] снова запускать мотор, [он] я хотел догадаться еще о чем-нибудь для более свободного движения машины.

Солнце зашло в [бесконечном] раскаленном свирепом пространстве, а внизу на земле осталась тьма и озабоченные люди с трудным чувством в сердце, поникшие в своих избах без всякой защиты от [равномерного губельного действия природы.] [бедствий и смерти.] беды и смерти. Вскоре к [председателю] делопроизводителю пришли его дети — мальчик и девочка, — те самые, которых [Душин] я видел в крестном ходе о дожде. Они [оголтели] [заскучали] оголтели от голода и неприютности и бросились к отцу, радуясь, что нашли его и будут ночевать вместе с ним в страшной [горячей] душной темноте; хлеба они уже не просили, радуясь тому, что хоть есть у них отец, который их любит и сам ничего не ест. Отец прижал к себе слабые тела своих детей и стал искать в карманах [что-]чего-нибудь*, чтобы покормить их, но находил лишь мусор и отношения волисполкома. Тогда [председатель] делопроизводитель решил успокоить детей своей теплотой; он обнял их обоих громадными неписчими руками, приблизил к своему теплomu животу, и все трое [заснули] заснули на ночной земле. Наверно у этих детей мать была умершая, и они жили сиротами около своего отца.

[Душин догадался.] Я догадался, что мне надо сделать: нужно свернуть из пакли фитиль, опустить его одним концом в [воду] бачок с водой и обмотать [их] фитилем цилиндры мотора, — тогда вода будет сочиться по фитилю, а машина почувствует прохладу и даст лишнюю мощность. [Он] Я нашел паклю в прицепной коляске — в ящике механика, и к полночи совершил работу до конца. Затем [он] я подошел к спящему семейству [председателя совета] Степана Жаренова и не знал, что делать — качать ли воду, чтобы обеспечить хотя бы на осень пищу этим детям, или подождать, потому что дети проснутся от шума мотора и немедленно начнут мучиться без еды.

[Бывший паровозный машинист] Я сел [к воде] [от раздумья] в раздумьи[.] [Он] около речной, тихо влекущейся воды и поглядел в звездное скопление на небе, на это будущее поприще [течения] деятельности человечества — в бессмертную сосущую пустоту, наполненную тонким тревожным веществом, бьющимся в ритм своей неизвестной судьбы — и стал думать об электричестве, что всегда [ему приносило] доставляло удовольствие. [Он вспомнил о Лиде Векличевой, своей нечаянной невесте, и [подумав] озаботившись* что ему делать с ней, — решил сделать из нее электрика слабых токов.]

[Вдруг он обернулся] Вскоре мне пришлось обернуться к деревне — там раздался взрыв какой-то бочки, а потом шипение пара, и опять стало тихо. [Председатель] Делопроизводитель проснулся, поднял спящую голову, сказал стих — «дети в мозгу кричат агу» — и снова уснул.

Учитывая крепкий сон семейства, проспавшего взрыв бочки, [Душин] я пустил мотор. В черные уголья пошел толстый поток воды из устья [нагнетательной] нагнетательного конца] нагнетательной трубы; мотор теперь вращался на хороших оборотах, грелся мало и не пел мучительным голосом утомления из глубины своего жесткого существа. [Душин] Я тихо ходил вокруг бьющейся в напряжении машины и с удовлетворением наблюдал спокойное течение ночи в мире; [экономя силы своего сердца и разума, он избегал воспоминания о Лиде и сосредоточенно направлял вперед, в далекую неясность свое воображение — и видел имущество будущего человечества сначала в приобретении электричества, а затем и той последней, еще неосязаемой, материнской силы, на вершине которой играет электрическая пульсация, будучи сама лишь отдаленной слабой дрожью на поверхности неведомого гигантского остервенения.] пусть время теперь идет, оно проходит не напрасно: машина надежно качает воду в сухие поля бедняков.

[*Душин*] **Я** смерил ведром подачу воды в минуту времени — оказалось, что насос теперь дает около двухсот ведер в час, в два раза больше прежнего. В кармане [*он*] **я** нашел сухой кусочек городского хлеба и стал есть его, стараясь закончить еду поскорее. [*Он в*] **В** тайне **от самого себя, я** боялся внезапного пробуждения [*председателя*] **делопроизводителя** [*или его*] детей **делопроизводителя**, которые обязательно попросят у [*него*] **меня** пищи[,]... [*тогда как она нужна ему самому, чтобы сохранить в себе силу для размышления.*] Уже дожевывая, [*Душин*] **я** наклонился к детям — они смутно и неравномерно дышали в своем скучном сне, смирившем в них страдание голода. Только отец их лежал со счастливым, обычно приветливым лицом: он господствовал над своим телом и надо всеми мучающими силами природы [*и общественного неблагоустройства;*]; магическое напряжение гения беспрерывно радовало его сердце, верующее в могучую долю пролетарского, бедного человечества.

Видимо, что-то переполнило сознание [*председателя*] **делопроизводителя**, он нечаянно открыл глаза, увидел [*дожевывавшего Душина*] **что я чего-то дожевываю** и сразу сказал[,]* как неспавший:

— Пора не только жизнь страдать, но также хлеб во рту жевать...

[*Душин*] **Я** в испуге проглотил остаток пищи и задумался.

Из темноты речной долины вышли к машине два человека — выпавшийся механик и незнакомая старушка большого роста.

— Идите вот теперь, — сказала старушка, — идите мужика моего [*подымите*] **подымайте***: мужчина весь обмер[,] свалился, и сердце в нем не стучит. Все для вас, чертей, кофей этот варил...

[*Душин*] **Я** равнодушно обратился к механику мотоцикла, учась быть хладнокровным среди событий. Механик представил старушку, как жену старичка, который варит круглые сутки самогон специальной крепости для снабжения мотора. Ввиду отсутствия прибора, измеряющего градусы крепости, старичок обычно брал в одну руку кружку, в другую кусок посоленной закуски, что-нибудь вроде картошки, и ожидал [*с*] **со своей** посудой у отводящей трубки котла, пока оттуда закапает. Но нынче старичок не сразу раскушал качество топлива; он завернул кран на трубке, подложил дров в огонь и заснул с опорожненной кружкой[,]* и картошкой в руках; котел накопил давление, взорвался и мощный газ выбросил старичка из самогонной избушки вместе с дверью и двумя оконными рамами. Сейчас старик лежит и постепенно опоминается, а завтра начнет ремонт взорвавшейся установки.

— Чего же вы хотите? — спросил [*Душин*] **я** у старушки. — Это авария, а [*сельсовет*] **мы** здесь не при чем.

— Льготы какой-нибудь, — ответила бранившаяся старуха.

[— *Хорошо, я запишу.* — ответил [*Душин*] **я** и, вынув **записную** книжку, написал там: [*«скорее надо организовать мир на покой».*] **«пришли из города старушке пшена».**

*Старуха враз [*успокоилась.*] **утешилась.** [*Душин дал*] **Я** сказал механику устную инструкцию [*о насосе*] **об уходе за мотором и насосом** и пошел пешком по теплой ночи [*в Ольшанск.*] к себе домой, [*в город,*] **к своей матери. Одна моя жизненная задача была выполнена. Я шел молодой, бедный и спокойный в родной рабочий город, а там видно будет, как надо жить и работать дальше. — Конец.***

6

Пробуждав по уездным дорогам остаток ночи и весь новый день, Душин поздним вечером дошел до заброшенной железнодорожной будки.

Дверь была не запертая, ее нечем было запереть. Лида Вежличева спала на подстилке из сухой полыни, раздевшись до гола от ночной духоты. В единственной комнате стало теперь чисто и приятно, хотя никакой мебели не стояло. Поздняя луна освещала женщину на полу, такую странную благодаря толщине и бессо-

знательности различных частей своего большого дикого тела [.], [Это] что* было удивительно, как Лида могла быть в тот же момент человеком. И однако лицо ее, отделенное от нижнего корпуса, даже во сне]

Я вынул записную книжку и написал там: «пришли из города старушке пшена».

Старуха, только увидя, что я что-то записываю, сразу поверила мне и утешилась.

Я сказал механику устную инструкцию об уходе за мотором и насосом, постоял немного возле спящего на земле делопроизводителя Жаренова и его детей, а затем пошел пешком, по теплой ночи к себе домой, к своей матери. Я шел один в темном поле, молодой, бедный и спокойный. Одна моя жизненная задача была исполнена.

Конец